

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

(размышления над актуальным в связи с прочитанным)

В. Гец, А. Гриценко

Проанализирована концепция выхода из кризиса, которая была предложена лауреатом Нобелевской премии П. Кругманом, а также анализируются возможности и особенности использования подходов к поиску путей преодоления кризиса в Украине, заложенные в эту концепцию. Показано, что режим строгой экономии уменьшает совокупный спрос, толкает экономику к рецессии и не улучшает, а ухудшает ситуацию. Авторы считают, что основным препятствием в поиске выхода из кризиса является неадекватность существующих механизмов инвестирования средств в экономику для существенного изменения экономических реалий. Предлагаются некоторые новые подходы к решению этой задачи.

Продолжающийся экономический кризис заставляет ученых искать адекватные ответы на возникшие вызовы и пытаться убедить правительства в правильности предлагаемых рекомендаций. Рекомендации, однако, не только различаются, но часто противоречат друг другу. Одни призывают к жесткой экономии, другие, наоборот, к стимулированию спроса. Одни — к усилению государственного вмешательства в экономику, другие — к свободе рыночных сил, и т. д. В дискуссиях участвуют видные и авторитетные ученые, лауреаты Нобелевской премии, профессора известных университетов, правительственные эксперты, журналисты-экономисты и другие разновидности пишущей братии.

В этой связи привлекает внимание вышедшая в 2012 г. на английском языке и в начале 2013 г. в русском переводе книга известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Пола Кругмана под броским названием «Выход из кризиса есть!» [2]. Пол Кругман не только известный экономист, но и активно публикующийся писатель и журналист, чьи работы, как сказано в аннотации к изданию, уже много лет вызывают ожесточенные дискуссии в средствах массовой информации и в сети Интернет.

Украинскому читателю взгляды П. Кругмана известны, его книги продаются в магазинах, а в журнале «Экономика Украины» по инициативе академика НАН Украины В. Гейца с изложением его авторской позиции прошла дискуссия, посвященная либеральным идеям [3, 4], где позиции автора книги «Кредо либерала» были подвергнуты тщательному анализу. П. Кругман

позиционирует себя как либерал, считая других — тех, кто объявляет себя либералами, — консерваторами. Почему так происходит, мы уже объяснили в [1].

В новой книге автор выступает с кейнсианских позиций, хотя как либерал он, естественно, не может быть последовательным кейнсианцем. В книге П. Кругман так высказался по поводу своих кейнсианских взглядов: «Кстати, если вам интересно: я сам считаю себя в чем-то неокейнсианцем и даже публиковал статьи в этом духе. Я не очень верю в гипотезу о рациональности и рынках, без которой не обходятся многие современные математические модели, включая мою собственную, и часто обращаюсь к классическим идеям Кейнса, но считаю такие модели полезными для тщательного анализа некоторых вопросов...» [2, с. 151-152]. Взгляды П. Кругмана представляют интерес для Украины, потому что она, следуя господствующим подходам, прежде всего в МВФ, совершает те же ошибки, что и западные страны, идя по пути всемерной экономии, сокращения расходов, сужая тем самым спрос и загоняя экономику в рецессию.

Борьбе с кризисом, как в мире, так и в Украине, часто препятствует доминирование политики над экономикой на основе использования так называемой политической целесообразности. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать ситуацию, возникшую с евро, начиная с идеологии ее введения и заканчивая нынешними противоречиями во взглядах относительно будущего евро. В Украине также часто принимаются решения, с использованием формулы «політичної доціль-

ности» (политической целесообразности), что наносит вред экономическому развитию.

Отмечая актуальность кейнсианских подходов в сложившейся ситуации, автор книги пишет: «...К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, поскольку слишком многие люди, облеченные властью, — политики, государственные чиновники, а также более многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, — по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давнишние большим трудом познания идеологически и политически удобными предубеждениями» [2, с. 9]. Здесь многое может быть отнесено и к Украине, но она, в отличие от экономик США и Европы, собственного исторического опыта выхода из такого рода кризисов не имела. У нее есть опыт выхода из гиперинфляции, опыт (хотя часто неудачный) решения проблем трансформационного кризиса. Но опыта действий в условиях современного финансово-экономического кризиса, являющегося к тому же еще и цивилизационным, Украина не имеет. Да и для Запада в современном кризисе много нового, выходящего за пределы сходного с Великой депрессией. Но много и общего.

В Украине, к сожалению, нет сложившегося слоя политиков, опирающегося на достаточно глубокие экономические знания (свои и экспертного сообщества) и способного не «затыкать дыры», опираясь на политическую сиюминутную целесообразность, а проводить системную политику, в частности в отношении борьбы с современным кризисом. Нет особых надежд и на новую поросль экономистов. Лучшие представители нового поколения окончивших вузы экономистов много знают, владеют языками, математическими методами анализа, но не обучены самостоятельному нестереотипному мышлению, способному находить за внешними формами сущность явлений, теоретически воспроизводить реальную жизнь предмета, а только это и дает инструментарий для нахождения адекватных ответов в существенно изменяющихся условиях. Таковыми были и продолжают оставаться содержание и методы экономического образования в высшей школе. Хотя всегда и в любых условиях появляются таланты, выходящие за пределы массовой образовательной системы и способные взять на себя груз ответственности за теоретическое осмысление реальной ситуации. В том числе и осмысление мирового опыта применительно к условиям Украины.

Главный постулат Кейнса, который, по мнению П. Кругмана, может работать в современной ситуации, заключается в том, что «экономить следует во время бума, а не спада. Сейчас правительства должны тратить больше, а не меньше, пока частный сектор снова не будет готов тянуть экономику вперед, однако возобладали политика строгой экономии, разрушающая рынок труда». Автор книги пытается противостоять общепринятой деструктивной точке зрения и обосновать стимулирующую, создающую новые рабочие места политику. Он ставит цель при помощи широкой общественности оказать давление на политиков, чтобы сменить нынешний курс и покончить с экономическим спадом [2, с. 10].

Цель нашей статьи показать, каким образом данный общий подход может быть применен к ситуации в Украине, а также оказать давление на сложившуюся политико-экономическую линию. Хотя, может быть, «давление» в нашей ситуации не очень удачный термин, поскольку давить можно на что-то твердое и определенное. А такой твердой и определенной экономической политики ни мы, ни западные страны не выработали. Поэтому лучше сказать, что цель — способствовать кристаллизации и концептуальной определенности экономической политики.

Показывая беды, к которым ведет строгая экономия в Европе, П. Кругман обращает внимание и на политические последствия: «Продолжение и обострение депрессии в Европе — не просто человеческая трагедия. Это также может иметь ужасные политические последствия. В Греции растет влияние радикальных партий, в том числе фашистской „Христи Авги“. В Испании, в частности в Каталонии, переживают подъем сепаратистские движения. Никто не знает, где находится предел, но отголоски 1930-х годов слишком сильны, чтобы быть проигнорированными» [2, с. 16]. К этой озабоченности автор возвращается неоднократно. В частности, он обращает внимание на тот факт, что «рост популярности идей Гитлера сегодня принято связывать с гиперинфляцией 1923 года, однако в действительности к власти его привела экономическая депрессия начала 30-х годов XX столетия, которая в Германии была сильнее, чем в странах Европы, из-за дефляционной политики, проводимой рейхканцлером Генрихом Брюнингом» [2, с. 46].

«Может ли нечто подобное произойти сегодня?» — спрашивает П. Кругман. И его ответ отличается от глубоко укоренившегося неприятия сравнений с нацизмом. Он упоминает

«закон Годвина» — распространенное выражение в интернет-пространстве, относящееся к явлению, подмеченному Майком Годвином. В его формулировке закон гласит: по мере разрастания дискуссии в Usenet вероятность употребления сравнения с нацизмом или Гитлером стремится к единице. «Во многих группах компьютерной сети Usenet существует традиция, согласно которой, и как только такое сравнение сделано, обсуждение считается завершенным, а сторона, прибегнувшая к этому аргументу, — проигравшей» [2, с. 46]. Тем не менее П. Кругман настаивает на том, что «было бы глупо недооценивать опасность, которую представляет собой продолжительный кризис для демократических ценностей и институтов», обращая внимание на рост во всем западном мире экстремизма [2, с. 46]. Существует также стремление разработать подходы глобального характера, опирающиеся на мобилизацию ресурсов путем централизации фондов или, например, частичную экспроприацию денежных накоплений, что не добавляет доверия к нынешней финансовой политике целых стран и отдельных их объединений.

Ситуация в Украине, к сожалению, не отличается в лучшую сторону. Поляризация политических сил, усиление радикализма по ключевым вопросам, сохраняющаяся коррупция, проникающая во все поры общества, усиливающееся слияние политики и бизнеса, концентрация власти-собственности, растущее недовольство всем этим широкими слоями населения, включая представителей мелкого, среднего и оппозиционного крупного бизнеса, формируют на будущее взрывоопасную смесь. Было бы крайне безответственно не обращать на это внимания.

Анализируя политику США по восстановлению экономики, П. Кругман высказывает неудовлетворенность термином «фискальная скала», придуманным Бенем Бернанке для обозначения плана по сокращению доходов и повышению налогов, принятого Джорджем Бушем — младшим в 2001 г. и продленного Бараком Обамой в 2010 г., и предпочитает ему термин, предложенный Брайаном Бетлером, — «бомба экономии», подчеркивая разрушительный характер такой политики.

Следует обратить внимание на то значение, которое П. Кругман придает занятости как ключевой проблеме макроэкономической политики. Он не только показывает отрицательное воздействие безработицы на экономику, но и пишет о том, что продолжительная безработица деморализует человека и прино-

сит ущерб внутреннему миру человека. Раздел, посвященный этой проблеме, он называет «Разрушенная жизнь», а книгу посвящает «безработным, которые заслуживают лучшего». В книге приведены также результаты исследования Лайзы Кан, которая «сравнила карьеру выпускников университетов, закончивших учебу в годы высокой безработицы, с карьерой тех, чей выпуск пришелся на период экономического подъема. Те, кому не повезло, показывали значительно худший результат, причем не только в первые годы после окончания университета, но и на протяжении всей жизни» [2, с. 18].

В Украине, к сожалению, проблеме безработицы не уделяется должного внимания. Отчасти потому, что эта проблема по внешней видимости не так остра по сравнению с другими. Отчасти из-за непонимания ее истинного значения. Официальная статистика показывает относительно низкие показатели безработицы (7-8%), сопоставимые с показателями США и относительно благополучных европейских стран. Однако такие цифры не вполне адекватно отражают реальную ситуацию. Расчеты «дооцененной безработицы», проведенные в Институте экономики и прогнозирования НАН Украины с учетом квазизанятых и мигрантов, выехавших в поисках работы за рубеж, дают показатель порядка 20%, что соответствует уровню безработицы в проблемных европейских странах. В 2012 г. в Украине принят закон «О занятости населения», где предусматривается ряд мер, направленных на смягчение этой проблемы. Однако он носит половинчатый характер и сочетается с масштабными планами по экономии, прямо или опосредовано предполагающими сокращение работников бюджетной сферы, в частности, науки и образования.

П. Кругман критикует недостаточность стимулирующих мер администрации президента Обамы, в частности, предназначенных для помощи штатам. Это вызвало существенное сокращение государственных служащих, чего не следовало допускать. Автор считает, что число государственных служащих должно расти вместе с ростом населения примерно на 1% в год, а «стимулирующие меры в размере 300 миллиардов в год — просто адекватная помощь штатам и местным властям, чтобы они могли отказать от сокращения бюджета. Это создало бы минимум 1 миллион рабочих мест, а если принять во внимание сопутствующие обстоятельства, то, вероятно, эффект оказался бы намного больше. И сделать это можно быстро,

поскольку речь идет об отмене бюджетных сокращений, а не о реализации новых проектов» [2, с. 287].

В Украине практика ограничения бюджетных расходов, сокращения численности государственных служащих, выплат работникам бюджетных учреждений получила широкое распространение. Появились планы существенного увеличения количества студентов, приходящихся на одного преподавателя. Это неизбежно приведет к увольнению работников высшей школы и увеличению учебной нагрузки на преподавателя, что отрицательно скажется на научной деятельности высших учебных заведений, качестве учебного процесса и подготовки специалистов и состоянии экономики в целом. Такая вот «бомба экономии», подложенная под будущее. В книге П. Кругмана есть раздел «Потерянное будущее». Он хорошо бы подошел в качестве названия для описанных выше мероприятий. В нем речь идет о соотношении мер, нацеленных на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Автор напоминает известное высказывание Кейнса: «Долгосрочная перспектива — плохой советчик в текущих делах. В долгосрочной перспективе все мы умрем». А затем подчеркивает, что краткосрочные проблемы негативно влияют на долгосрочные перспективы, и показывает каналы этого влияния: разрушающий эффект продолжительной безработицы, низкий уровень инвестиций, угроза для социальных программ, нацеленных в будущее [2, с. 41-43].

Уместно в связи с обсуждаемым вопросом привести следующее высказывание П. Кругмана: «Политики и эксперты в один голос утверждают, что в XXI веке огромную роль играет образование молодежи, однако продолжающийся спад, ставший причиной финансового кризиса, привел к увольнению 300 тысяч школьных учителей. Тот же финансовый кризис вынудил федеральные и местные власти отложить и отменить инвестиции в транспортную инфраструктуру... После начала кризиса государственные инвестиции, скорректированные на инфляцию, резко сократились. И вновь это означает, что с началом восстановления экономики мы тут же столкнемся с проблемой нехватки ресурсов.

Стоит ли беспокоиться из-за этих будущих жертв» [2, с. 43-44]. Результаты исследования Международным валютным фондом последствий финансовых кризисов в нескольких странах показали, что подобные катаклизмы не только наносят значительный ущерб в краткосрочном плане, но и имеют серьезные дол-

говременные последствия, выражающиеся в более низких темпах роста экономики и более высоком уровне безработицы. А эффективные меры по ограничению продолжительности и глубины спада, следующего за финансовым кризисом, смягчают и долговременный ущерб [2, с. 44].

Политика экономии и рационализации, которую проводит Украина, копируя опыт Запада, дает импульсы к уменьшению совокупного спроса, сокращению занятости и росту безработицы. Однако логика социально-экономического развития обуславливает необходимость иного подхода. По мере технического и социального прогресса сокращается занятость в сферах производства материальных благ и услуг и растет — в сфере производства человека. Футурологи говорят, что через несколько десятилетий в общественном производстве не сможет найти места значительная часть населения. Все это ставит проблемы занятости и безработицы в другую плоскость. И уже сейчас необходимо формировать иную стратегию. Рационализацию путем экономии затрат, повышения технического уровня и сокращения лишних рабочих мест нужно проводить в отраслях, связанных с производством материальных благ и услуг. А отрасли, которые занимаются «производством человека» (образование, наука, здравоохранение, культура), должны расти как по объемам производства, так и по занятости.

Рационализацию в этой сфере необходимо осуществлять за счет увеличения дифференциации в оплате труда работников, имеющих достижения выше среднего, высокие и выдающиеся. При таком подходе кандидаты на увольнение остаются на рабочем месте, выполняют полезную, хотя и менее эффективную по сравнению с другими, работу, получая за это невысокую зарплату. Но они не пополняют ряды безработных, поддерживают свою квалификацию и статус. Это лучше, чем выбросить их из общественного разделения труда без перспективы войти туда снова и с рисками социальной деградации (ведь все структуры проводят сокращения, а уволенные работники в данном случае были заняты в той сфере, которая должна расти и в которую они снова должны вернуться). Развитие обеспечивается наиболее эффективными работниками, которые будут получать существенно большее вознаграждение за труд. Заработная плата эффективных работников должна быть за достаточно короткое время выведена на уровень, приближающийся в европейскому. Такая система оплаты

труда также позволит привлекать в случае необходимости зарубежных специалистов.

Дифференциация в учреждениях должна дополняться дифференциацией учреждений. Для обеспечения быстрого движения по вертикали научно-технического прогресса необходимо иметь несколько университетов, научных учреждений, учреждений культуры и т. д., которые должны обеспечиваться материально, финансово и профессионально на европейском уровне. Все остальные образуют общую среду, конкуренция в которой позволяет наилучшим из них выйти на уровень элитных учреждений.

Если согласиться с предлагаемым здесь подходом, то неизбежно возникает вопрос: где взять деньги для всего этого в условиях спада и сокращения поступлений в бюджет? Ответ П. Кругмана на подобный вопрос применительно к США таков: «Из частного сектора США, который отвечает на финансовый кризис увеличением сбережений и уменьшением инвестиций. Финансовый баланс частного сектора, или разница между сбережениями и инвестиционными расходами, увеличился с –200 миллиардов долларов в 2011 г. до 1 триллиона долларов в 2012» [2, с. 192]. Такую ситуацию П. Кругман связывает с ловушкой ликвидности, когда вследствие приближения процентных ставок к нулевому уровню становится выгоднее просто сидеть на мешке с деньгами, чем ссужать их другим людям. Федеральная резервная система накачала экономику ликвидностью до такой степени, что средства можно получить практически бесплатно, но общий спрос остается слишком низким [2, с. 64-65]. В такой ситуации «бюджетный дефицит не соперничает с частным сектором за денежные средства и, значит, не способствует повышению процентных ставок. Правительство просто находит применение избыточным накоплениям бизнеса, то есть разнице между тем, что он хочет сберечь и тем, что готов инвестировать» [2, с. 192].

Однако в любом случае это увеличивает бюджетный дефицит и государственный долг. Как быть с этим? Основываясь на анализе фактических данных, П. Кругман показывает, что рост государственного долга таких стран, как Британия, США, Япония, никаких отрицательных последствий не вызывает. Но есть существенная разница, в какой валюте занимать — собственной или чужой. «Британия, США и Япония берут кредиты в своей валюте — фунтах, долларах и иенах. В отличие от них Италия, Испания, Греция и Ирландия даже не имеют собственной валюты, а долги у них в евро, что,

в свою очередь, делает их чрезвычайно уязвимыми перед приступами паники» [2, с. 197]. П. Кругман обращает внимание на то, что «5 триллионов долларов, занятых Америкой после начала кризиса, а также триллионы долга, которые непременно еще накопятся, прежде чем осада будет снята, не придется выплачивать немедленно или выплачивать вообще. На самом деле нет никакой трагедии в том, что долг продолжает расти, пока он растет медленнее инфляции и темпов экономического роста» [2, с. 197-198]. В подтверждение своей позиции автор приводит пример с 241 миллиардом государственного долга США к концу Второй мировой войны, что составляло тогда 120% ВВП. «Как выплачивался долг? Да никак.

Вместо этого правительство на протяжении нескольких лет придерживалось политики сбалансированного бюджета. В 1962 г. сумма долга была примерно такой же, как в 1946-м, но благодаря сочетанию умеренной инфляции и быстрого экономического роста отношение долга к ВВП уменьшилось на 60%. Соотношение долга и ВВП продолжало падать в 60-х и 70-х гг. даже несмотря на небольшой дефицит государственного бюджета. И только при Рональде Рейгане, когда бюджетный дефицит существенно вырос, долг стал увеличиваться быстрее, чем ВВП» [2, с. 198].

Общий подход заключается в выплате лишь процентов по долгу, причем так, чтобы сумма долга увеличивалась медленнее, чем темпы роста экономики. «Один из способов достигнуть этой цели — выплачивать такие проценты, чтобы реальная стоимость долга, то есть стоимость, скорректированная на величину инфляции, оставалась постоянной. Это значит, что при росте темпов экономики отношение долга к ВВП будет неуклонно уменьшаться» [2, с. 198-199].

Такой подход приемлем и для Украины. Она должна отказаться от решения проблем за счет увеличения внешнего долга и привлекать ресурсы за счет внутренних заимствований. Однако здесь ситуация существенно отличается от США и требует иных подходов. В Украине рыночная экономика формировалась не по классическому, а по инверсивному типу (т. е. с измененной и часто с противоположной последовательностью рыночных преобразований, требующей иного, по сравнению с классическим, содержания этих преобразований, что не учитывалось в реальной политике и в результате вполне закономерно привело к результатам, существенно отличающимся от желаемых). Украина вследствие сочетания инвер-

сионности и глобализации попала в петлеобразную ловушку: она не развила внутренний рынок, а ее экспорт колеблется около 50% ВВП, и чем выше темпы развития экономики, тем глубже становятся диспропорции и основания для нового кризиса.

В Украине нет классической ловушки ликвидности, процентные ставки остаются высокими, однако кредитование затруднено из-за тех же высоких ставок, тяжелой ситуации в бизнесе и недоверия банков к заемщикам. Возможности государства занимать внутри страны также ограничены в силу недостаточности ресурсов и высокой стоимости заимствований, существенно превышающей в настоящее время уровень инфляции (в 2012 г. была небольшая дефляция).

Такая неординарная ситуация требует соответствующих подходов, выходящих за рамки традиционного макроэкономического функционального анализа и основанных на более глубоком понимании механизмов социально-экономического развития.

Здесь мы должны выйти за рамки проблематики, обсуждаемой в книге П. Кругмана, и опереться на теоретические разработки Института экономики и прогнозирования НАН Украины. Существенным недостатком мейнстримовских теорий и базирующейся на них методологии международных финансовых организаций является полное игнорирование проблематики стоимости как самостоятельной реальности и анализ ее исключительно во внешних формах (цены, затрат, стоимости активов, недвижимости и т. д.), что равносильно отказу от познания сущности явлений. Это неизбежно со временем выливается в неспособность понимать и предвидеть изменения реальности. Так, собственно, и произошло с нынешним кризисом. В современных учебниках по микро- и макроэкономике нельзя найти определение стоимости как категории (в отличие от таких ее производных, как стоимость активов, недвижимости и пр.), хотя этот термин встречается чуть ли не на каждой странице.

Между тем и реальные товары и услуги, и ВВП, и находящиеся в обращении деньги, и ценные бумаги представляют одну и ту же реальную, созданную в производственном процессе стоимость, которая не совпадает ни с одних из своих частных проявлений и предполагает их определенную пропорциональность. Кризисы как раз и сводят частные проявления стоимости к их реальному основанию и возвращают необходимую пропорциональность. Но задача состоит в том, чтобы создать институциональ-

ные механизмы, не позволяющие нарушать эту пропорциональность. Игнорирование стоимости как реального основания развития денежных и финансовых рынков в теории и практике создало институциональные условия для отрыва финансовых рынков от реальной экономики и открыло путь для образования финансовых пузырей и масштабных финансовых кризисов, переходящих в рецессию.

В связи с этим уместно сослаться на историю с законом Гласса — Стиголла 1933 г., который, как и аналогичные законы, принятые в других странах, «установили систему „дамб” для защиты экономики от финансовых наводнений» [2, с. 96]. Этот закон, с одной стороны, провозгласил создание Федеральной корпорации по страхованию депозитов (ФКСД), которая гарантировала защиту вкладчиков при крахе банка, с другой стороны — ограничил степень риска, на который мог пойти банк. «Средства вкладчиков нельзя было использовать для игры на фондовых и товарных рынках. Одному и тому же учреждению запрещалось принимать вклады и осуществлять спекулятивные операции» [2, с. 97].

Таким образом, было введено строгое разграничение обычной банковской и инвестиционной банковской деятельности. Результатом стал продолжительный период относительной стабильности и отсутствия финансовых кризисов. Однако в 1980 г., когда президентом стал Рональд Рейган, начался крутой поворот американской политики вправо [2, с. 97]. В 1982 г. Рейганом был подписан закон Гарна — Сен-Жермена, ослабивший ограничения на виды кредитов, которые могли выдавать банки. Это привело к резкому увеличению кредитования и его рисков, а через несколько лет — к серьезным проблемам для банковского сектора, усиленного тем, что одни банки для выдачи кредитов занимали деньги у других банков. Курс на дерегулирование был продолжен Биллом Клинтонем, нанесящим последний удар, отменив ограничения закона Гласса — Стиголла, разделявшего коммерческие и инвестиционные банки. Важное значение имело и то, что регулирование банковской деятельности не совершенствовалось вместе с развитием банковского дела [2, с. 99]. Получили развитие альтернативные способы осуществления банковской деятельности, создавшие «теневой банковский сектор». Ослабление регулирования «создало благоприятную среду для прямого разворовывания денег, когда кредиты выдавались родственникам и друзьям, которые исчезали вместе с ними» [2, с. 107]. Как не вспомнить здесь мас-

штабы воровства в банковской сфере Украины в предшествующие годы.

К механизмам отрыва финансового сектора от реальной экономики и запуска кризиса имеет отношение момент Мински, которому П. Кругман посвящает целый ряд страниц. Суть его состоит в том, что повышение уровня долга по отношению к доходам и активам (леверидж) возможно только до определенного предела. Неизбежно наступает момент, когда созданное таким образом финансовое здание катастрофически обрушивается. «Если уровень долга достаточно высок, катализатором момента Мински может стать все, что угодно, — обычный экономический спад, лопнувший на рынке жилья мыльный пузырь и т. д. Конкретная причина особого значения не имеет, важен лишь тот факт, что заимодавцы вновь осознают риски кредитования, а дебиторы вынуждены начать делеверидж, запуская спираль долговой дефляции Фишера» [2, с. 83].

Вернемся, однако, к ситуации в Украине и поиску ответов на вопрос об источниках финансирования расходов, необходимых для поддержания спроса. При этом должно соблюдаться условие соответствия развития денежного и финансового рынков реальным процессам созидания стоимости. Необходимо учитывать феномен рефлексивности стоимости, денег и цен. Стоимость создается в процессе производства, однако если отсутствуют деньги, необходимые для ее реализации, то и стоимости нет. Стоимость является реальностью только высветившись в деньгах, принимая таким образом самую форму цены. А деньги являются реальностью только в соотношении со стоимостью, представляя ее. Если их выпущено, например, в 2 раза больше чем необходимо, то реально они все равно будут представлять ту же стоимость посредством двукратного роста цен и соответствующего снижения покупательной способности денежной единицы.

Задача Центрального банка как раз и состоит в том, чтобы обеспечить экономику таким количеством денег, которое обеспечит реализацию стоимости всего созданного продукта. При этом денег должно быть не меньше этого количества, так как в противном случае часть продукта останется нерезализованной, и не больше — так как несоблюдения этого условия приводит к росту инфляции. Следовательно, ценовая стабильность является только одной из подфункций монетарной политики Центрального банка, а не ее главной целью, как это задекларировано в Европейском Центральном банке

и других Центральных банках европейских стран за пределами зоны евро.

Такой подход обуславливает иную стратегию введения денег в обращение и иную эмиссионную политику. Следует заметить, что Федеральная резервная система США, в отличие от европейских стран, не декларирует ценовую стабильность в качестве главной цели, а ставит рядом с ней ряд макроэкономических задач, что и в теоретическом, и практическом аспектах является более соответствующим предмету регулирования.

Наиболее модным монетарным режимом в Европе является инфляционное таргетирование, имеющее главной целью инфляцию и использующее в качестве главного инструмента процентную ставку. В условиях стабильно функционирующей экономики (какой была экономика развитых стран несколько десятилетий второй половины XX в.), манипулируя учетной ставкой Центрального банка, можно добиваться необходимых результатов, так как все остальное делают рыночные механизмы. Но сейчас экономики этих стран перестали быть сбалансированными и стабильными, что сразу обнаружило необходимость новых подходов.

В Украине в силу названных ранее причин такой механизм в условиях кризиса не работает. Вместе с глобализацией произошла фрагментация и локализация рынков, частным случаем этого процесса является отрыв финансового рынка от реальной экономики и замыкание его на себя. Достаточно вспомнить что произошло, когда Национальный банк Украины решил летом 2012 г. дать банкам относительно долгосрочное рефинансирование, чтобы эти ресурсы пошли в реальную экономику. Из этого ничего не вышло. Деньги в реальный сектор так и не пошли, а вылились на валютный рынок, создав девальвационное давление на гривну. Потребовалось срочное вмешательство Национального банка, чтобы удержать обменный курс.

В условиях, в которых мы оказались, политика управления через процентную ставку не дает должных результатов. В этих условиях целесообразно иметь государственно-публичные финансово-кредитные бесприбыльные институты (учреждения), имеющие своей целью поддержку проектов развития. Этим учреждениям Центральный банк страны может предоставлять целевое рефинансирование по особым прописанным в соответствующем законе процедурам. Ставки рефинансирования могут быть даже ниже инфляции. По существу

это будет скрытым частично безвозмездным финансированием проектов развития. Но если для реализации этих проектов есть реальные материальные и кадровые ресурсы, которые необходимо задействовать, то это не приведет к росту инфляции. Деньги будут вводиться под процесс создания реальной стоимости. Кроме прочего, такой подход будет способствовать снижению процентных ставок. А открытая и публичная организации работы таких учреждений под надзором общественности будет создавать островки некоррупцированных отношений, что чрезвычайно важно для страны, погрязшей в коррупции.

Названные институты не ориентированы на получение прибыли, их целью является симметричная монетизация, с одной стороны, потребностей и превращение их в покупательский спрос, с другой стороны — движения материальных и трудовых ресурсов, создающих предложение товаров и услуг для удовлетворения этого спроса. При этом они решают эту задачу только в той мере, в которой она не решаема в данных конкретных условиях с помощью коммерческих банков (как, например, в нынешней кризисной ситуации). Государственно-публичные финансово-кредитные бесприбыльные институты не подменяют традиционную банковскую систему, а дополняют ее, устраняя разрывы финансово-экономического пространства и направляя развитие экономических процессов к достижению сбалансированности. Например, такой подход можно было бы применить к острой жилищной проблеме, которая в любой нормальной стране решаема в среднесрочной перспективе. Названные учреждения могли бы, используя рефинансирование Центрального банка, давать кредиты нуждающимся в улучшении жилищных условий, привязывая использование этих кредитов к строительным организациям и обеспечивая открытость процедур и публичный контроль за всем этим процессом. До погашения кредита строящееся или эксплуатируемое жилье могло бы служить залогом под кредит. Такой кредитный долг может висеть как угодно долго, не принося вреда экономике. Это дает возможность дифференцировать сроки возвращения кредита в зависимости от доходов заемщика. Государство и общество в таком случае выполняет свою собственную функцию регулирования денежно-кредитных потоков в интересах удовлетворения потребностей членов общества и бизнесовых структур.

Жилищное строительство является тем сектором, который может послужить локомоти-

вом развития других секторов, а главное — внутреннего рынка страны. Такой подход можно применить и к строительству дорог. Авторам данной статьи пришлось присутствовать при дискуссии относительно эффективности строительства дорог в Испании. Высказывалось мнение, что вложения в такие дороги не окупаются должным образом. Однако это совершенно неверная постановка вопроса. Хорошие дороги являются конечным общественным благом, которое не может быть оценено экономическим критерием прибыльности. Так же, как в личной жизни, дом для жилья является конечным потребительским благом, и к нему неприменим критерий прибыльности, в общественной жизни дороги являются конечным общественным благом. Если есть материальные и трудовые ресурсы для строительства дорог, не может быть в масштабе общества денежных и финансовых причин для отказа от решения этих задач.

На наш взгляд, к первоочередным задачам, которые необходимо решить, используя все средства и имеющиеся возможности (в том числе описанные выше), следует отнести обеспечение условий для рационального и сбалансированного питания населения и обеспечение жильем. Совсем дико выглядит ситуация, когда в достаточно развитом индустриальном обществе часть населения ведет полуголодный образ жизни, что неизбежно сказывается на здоровье и показателях смертности, и когда люди не обеспечены элементарными жилищными условиями. Нет никаких препятствий, кроме организационных и институциональных, связанных с некоторыми монетарно-рыночными догмами, для решения этих двух проблем в Украине в среднесрочной перспективе.

Такой подход отличается как от традиционных процедур Центрального банка (связанных с рефинансированием коммерческих банков и не работающих, как показано ранее, должным образом в условиях кризиса), так и от прямого финансирования Центральным банком правительства. Последнее запрещено законом, и от этого ограничения нельзя отказываться. Оно выстрадано всей историей развития банковской системы (в том числе и Украиной самостоятельно в начале 1990-х годов). Для правительства не существует внутренних пределов для монетизации бесконечного множества своих проблем. Вместе с тем общий результат внешне похож на то, как если бы задачи решало правительство за счет бюджета, получив деньги на это прямо из Центрального банка. Однако сходство здесь только внешнее.

В целом такой подход опирается на развиваемую в Институте экономики и прогнозирования НАН Украины концепцию совместно-разделенной деятельности. Эта концепция исходит из теоретически и экспериментально доказанного положения о совместно-разделенной деятельности как исходном социально-экономическом отношении, порождающем одновременно человека и общество и представляющего их сущность во всем многообразии современных общественных отношений. Развитие отношений разделенности воплощается в разделении труда, частной собственности и институтах рынка, а отношений совместности — в кооперации и обобществлении труда, общественной собственности и институтах государства. В современных условиях институты рынка и государства являются комплементарными. Происходит становление и развитие разнообразных форм сочетания функций государства и рынка, государства и гражданского общества (государственно-частное партнерство, сотрудничество органов власти с профессиональными и общественными организациями и т. п.). Государственно-публичные финансово-кредитные неприбыльные институты представляют собой одну из форм совместно-разделенной деятельности (государства и граждан, государства и бизнеса, общества и государства), направленную на решение сложных социально-экономических проблем, решение которых гражданам и государству в отдельности не под силу.

Концепция совместно-разделенной деятельности дает методологические ориентиры для построения отношений гражданина и государства. Общим принципом является удержание индивидуального во всех отношениях с общим. Покажем это на примере с высшим образованием. Бесплатное образование считается благом, за которое идет борьба в обществе. Но образование не может быть вообще бесплатным. Речь может идти о том, кто платит: гражданин или общество (через государство)? Если платит общество, то теряется непосредственная связь эффективности учебной деятельности гражданина и ее финансирования. С другой стороны, за все, так или иначе, платят граждане. И люди, которые получили образование бесплатно, потом через налоги возвращают деньги в государственный бюджет. В соответствии с методологией совместно-разделенных отношений нужно изменить механизм финансирования образовательной деятельности, привязав ее на каждом этапе к гражданину. Это можно сделать следующим образом.

Высшее образование граждане оплачивают или самостоятельно, или, если они не в состоянии сделать это, то в случае вступления в высшее учебное заведение автоматически получают кредит на годы учебы от государственного финансового учреждения. Эти средства по определенным процедурам поступают высшие учебные заведения и используются для финансирования учебы и стипендии (в случае необходимости), которая обуславливается соответствующим соглашением. После учебы, приступив к работе, гражданин в течение 3–7 лет возвращает кредит, или, как вариант, 3 года отработывает в государственном секторе. Возможна и целесообразна система скидок кредитной задолженности за отличную учебу, выдающиеся достижения, работу в приоритетной отрасли и т. п.

Такой механизм дает возможность сделать гражданина более ответственным за свою образовательную деятельность без увеличения объемов финансирования. Государство здесь выполняет лишь функцию устранения разрывов и пространственно-временного согласования движения финансовых средств, направляемых на образование. А если иметь в виду, что государственное финансово-кредитное неприбыльное учреждение может использовать средства рефинансирования Центрального банка, а не только бюджетные средства, то мы получаем экономию бюджетных средств и возможность их использовать на решение других задач. Именно так надо поступать, а не выгонять часть ученых, работников высших учебных заведений, тех же государственных служащих на улицы без перспектив быстрого трудоустройства и с увеличением издержек содержания безработных. Такую же методологию можно применить ко всем сферам, в финансировании деятельности которых принимает участие государство.

Теперь возвратимся к П. Кругману и еще одному очень важному, связанному со всем изложенным выше — вопросу об уровне инфляции. Приведенные выше способы введения денег в экономику имеют пределы. Они должны не вытеснять обычные банковские механизмы, а только дополнять их и рационализировать. И они могут правильно работать, пока есть свободные материальные и трудовые ресурсы (именно такова ситуация во время кризисов). Но если все ресурсы задействованы и вся произведенная продукция реализуется, то дополнительное введение денег в экономику в нашей ситуации вызовет инфляцию. Задача Центрального банка как раз и заключается в

том, чтобы иметь инструментарий для достаточно точного определения денежной массы, необходимой для неинфляционного развития экономики, ее структуры и каналов введения в обращение.

П. Кругман выступает за более высокую инфляцию. В главе «Инфляция: ложная угроза» он критикует устрашающие прогнозы грядущей инфляции, которыми заполнены эфир и газетные колонки, особенно после того, как президентом стал Барак Обама, показывает конкретный механизм возникновения инфляции в случае выпуска большой массы денег, отвечает на вопрос, почему этого не происходит сейчас, несмотря на то, что Федеральная резервная система выпустила достаточно много денег и делает следующий вывод.

«Таким образом, вся эта паника по поводу инфляции вызвана несуществующей угрозой. Реальная инфляция низка, и с учетом депрессивного состояния экономики в ближайшие годы, скорее всего, будет еще ниже.

В этом нет ничего хорошего. Уменьшающаяся инфляция или, что еще хуже, возможная дефляция значительно затруднит восстановление экономики. Наша цель должна быть противоположной: умеренный рост цен — скажем, базовая инфляция на уровне 4%» [2, с. 222].

В такой позиции П. Кругман не одинок. В начале 2010 г. Международный валютный фонд выпустил написанный главным экономистом этой организации Оливье Бланшаром и его двумя коллегами документ под названием «Пересмотр макроэкономической политики» («*Rethinking Macroeconomic Police*»). В этом документе сделана «попытка переосмыслить допущения, на которых на протяжении последних 20 лет строили свою политику Международный валютный фонд, и почти все, кто занимал высокие государственные посты. Самое главное, в нем предполагалось, что центральные банки, такие как ФРС и Европейский центральный банк, нацелены на слишком низкую инфляцию и правильнее, возможно, было бы стремиться к 4% инфляции, а не 2% или меньше, что считалось нормой для „разумной“ политики» [2, с. 222].

Показав несостоятельность прогнозов высокой инфляции во время кризиса, П. Кругман говорит также о трех преимуществах относительно высокой инфляции: более высокий рост цен способен ослабить напряжение, связанное с тем, что процентные ставки не могут стать отрицательными; инфляция помогает уменьшить реальную стоимость долга и, следовательно, уменьшить реальный долговой навес;

инфляция позволяет обойти такой барьер? как „нисходящая номинальная жесткость заработной платы“ (люди с меньшей готовностью принимают, скажем, сокращение зарплаты на 5%, чем неизменное жалование, покупательная способность которого уменьшена инфляцией)» [2, с. 225].

Рекомендации относительно более высокого уровня инфляции с определенными коррективами, учитывающими условия Украины, применимы и в нашей ситуации. С ними коррелируется и анализ мирового опыта. Исследование взаимосвязи динамики ВВП и дефлятора за 30 лет (с начала 1960-х до начала 1990-х гг.) показало, что «большинство точек роста ВВП (18 из 29) находилось в интервале прироста дефлятора ВВП от 2 до 6%, а для развивающихся стран большинство (22 из 29) — в интервале 15–40 %» [5]. Существуют также расчеты (проведенные С. Кораблиным и относящиеся к периоду экономического роста экономики Украины в первой половине первого десятилетия XXI в.), которые показывают, что оптимальной для Украины с точки зрения экономического роста в тех условиях была инфляция на уровне примерно 9%. Инфляция на уровне 10% является уже двухзначной, что само по себе порождает более высокие инфляционные ожидания, являющиеся в определенных условиях самостоятельным инфляционным фактором. В то же время может существовать ситуация, когда приемлемым будет и более низкий уровень инфляции, не ведущий к зажимам в механизмах хозяйствования. В условиях крупных экономических диспропорций в Украине вообще трудно удерживать инфляцию от значительной волатильности. С учетом всех этих и других обстоятельств для Украины можно считать оптимальной среднегодовую инфляцию на уровне 6–9%, и уж никак не дефляцию, которая имела место в 2012 г.

В книге П. Кругмана много других интересных вопросов более частного характера. Так, например, он на конкретных примерах показывает несостоятельность выводов, основанных на корреляционных зависимостях, которые часто приравниваются к причинным [2, с. 308–309]. Это очень актуально для Украины, в чем авторы данной статьи убеждались неоднократно. Получившие хорошую математическую, но недостаточную политэкономическую подготовку экономисты очень охотно используют корреляционный анализ в своих исследованиях и часто находят связи между экономическими явлениями там, где они реально отсутствуют, а совпадения носят случайный

характер. Математические методы, конечно, имеют инструментарий, позволяющий отличать причинно-следственные зависимости от иных, но это уже более сложный анализ. К тому же он мало помогает, если вопрос сильно политизирован [2, с. 330].

Следует обратить внимание и на еще одно важное обстоятельство, которое отмечается в книге П. Кругмана и которое в полной мере может быть отнесено к Украине. Речь идет об экономических интересах и базирующейся на них борьбе идей. Хотя научные споры носят абстрактный характер, за ними скрываются вполне определенные экономические интересы. Так, П. Кругман упоминает об истории учебника канадского экономиста Лори Таршиса, написанного еще до знаменитого учебника по экономике Пола Самуэльсона. Эта книга была «похоронена правой оппозицией, в том числе при помощи организованной кампании, в результате которой многие университеты отказались от этого учебного пособия» [2, с. 138]. Упоминаются также нападки Уильяма Ф. Бакли на Йельский университет, не в последнюю очередь за то, что там позволили себе преподавать экономику по Кейнсу. А как можно прокомментировать такой факт: «В 2005 г. правый журнал „Human Events” включил „Общую теорию” Кейнса в число десяти самых вредных книг XIX и XX вв. вместе с „Моей борьбой” („Mein Kampf”) Адольфа Гитлера и „Капиталом” Карла Маркса» [2, с. 138]. Как говорится, комментарии излишни.

В любом случае наличие хорошего плана еще само по себе мало что значит. Должен быть субъект, который объективно, по своему месту в обществе и тенденциям развития заинтересован в реализации этого плана. Здесь уместно опереться на еще один результат научных исследований в Институте экономики и прогнозирования НАН Украины, который заключается в выводе о том, что институциональный анализ и институциональное проектирование должны быть дополнены институциональным субъективированием, т. е. поиском, организацией или даже выращиванием субъекта, заинтересованного в проведении предложенных преобразований и способного осуществить их. В силу этого любой институциональный проект должен быть привязан к субъектам (что составляет самостоятельную, достаточно сложную задачу) и скорректирован с учетом этой при-

вязки. Без этого любые планы останутся утопией. К. Маркс, как известно, связывал превращение социализма из утопии в науку с тем, что в реальной действительности находится общественная сила, которая объективно, по своему месту в общественном процессе производства заинтересована и вынуждена будет осуществить преобразования.

В связи с проблемой представленности экономических интересов в идейной борьбе хотелось бы еще раз обратиться к вопросу о необходимости преподавания экономической теории для всех специальностей в высшей школе Украины. Отсутствие не только основательных, но даже элементарных экономических знаний у специалистов лишает их возможности самостоятельно судить об экономических явлениях и принимать правильные решения, адекватные вызовам времени. Имеющая место недостаточность экономической культуры населения — результат издержек реформирования. (Результаты опроса населения показывают низкий уровень экономической культуры населения. 41% опрошенных оценивают свой уровень как низкий. И еще столько же — как средний [6]. По данным опросов Института социологии НАН Украины, в 2012 г. только 18,1% респондентов считали, что им достаточно современных экономических знаний, и 20,2% считали, что им достаточно политических знаний.) На нынешнем этапе повышение уровня политико-экономической образованности и культуры населения является одним из ключевых условий выхода страны из кризиса. Без решения этой задачи граждане Украины превратятся в удобный объект манипуляций на пути политической целесообразности.

В заключение приведем еще одно высказывание П. Кругмана, с которым мы полностью солидарны: «Дело в том, что мы обладаем знаниями и инструментами, чтобы выйти из этого кризиса... Препятствуют восстановлению экономики два фактора — отсутствие интеллектуальной ясности и политической воли. Значит, задача каждого сколько-нибудь влиятельного человека — профессиональных экономистов или политиков, а также равнодушных граждан — сделать все, чтобы восполнить это отсутствие. Мы можем положить конец нынешнему кризису...» [2, с. 306]. Именно в силу всего вышесказанного и несказанного авторы приглашают к новой дискуссии.

Список источников

1. Гриценко А. Методологические основания модернизации Украины // Экономика Украины. — 2011. — № 1. — С. 40-45.

2. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! : пер. с англ. Ю. Гольдберга. — М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. — 320 с.
3. Экономика Украины. — 2010. — № 3.
4. Экономика Украины. — 2011. — № 8.
5. *Геєць В. М.* Нестабільність та економічне зростання. — К.: Ін-т екон. прогнозув., 2000. — С. 133.
6. *Єфременко Т. О.* Рівень економічної культури пересічного громадянина України (за даними експертного опитування) // Український соціум. — 2006. — № 1. — С. 88-96.

УДК 330.33.01

Ключевые слова: кризис, кейнсианство, совокупный спрос, задолженность, денежно-кредитной политика, инфляция, институты развития